

АНТОН БАХАРЕВ

A watercolor illustration of a person's footprints, rendered in dark red and black ink, ascending diagonally from the bottom left towards the top right. The background is a soft, ethereal sky with blended washes of blue, yellow, pink, and white. The upper portion of the sky is a deep purple and blue, speckled with numerous small white stars, suggesting a night sky or a distant galaxy. The overall mood is dreamlike and contemplative.

ПОЭЗИЯ
ОТКРЫТИЯ

НЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

A small, faint watercolor illustration of a person standing, positioned in the bottom right corner of the cover. The figure is rendered in soft, light blue and green washes, appearing to be looking upwards towards the footprints.

Антон Павлович Бахарев
Нежный человек
Серия «Новые стихи.
Актуальная поэзия (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41852368

Нежный человек: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-109144-6

Аннотация

На Северном Урале есть таёжная трёхвековая деревушка Бахари. «Бахарь» означает «сказочник» и «говорун». Поэт Антон Бахарев – из этого затерянного уголка. Но его истории – не лубочные сказки. Это путешествие по собственной судьбе, в котором люди, кванты и звёзды вдруг складываются в живой заповедный космос.

«Мне нужна какая-то деталь, от которой всё пойдёт», – размышляет поэт. Необычно звучащее слово. Или человек, который чем-то «зацепит». «Эта деталька – слово, событие, картинка – как маленький спусковой крючок <...> Случается, что мне расскажут историю, и из неё получается стих».

Антон Бахарев

Содержание

Об Антоне Бахарева	6
«Лето: ничего личного...»	9
Про велик	10
«Уходя по гонобобель...»	12
Гроза	14
«...И там, где нет ног моей...»	15
«Там, где вижу отраженья...»	17
«Нашёл я оброненный в августе ножик!..»	18
«Скучно тащится по Каме...»	20
«Посередине года – солнце...»	22
«Ни разу не слышал свирели. Свирели...»	23
Нежный человек	24
Иван-чай	26
«То ли снегирь взорвался...»	27
«...И вновь песчаная дорога...»	28
Тохтуево	29
Северная элегия	31
Огонь к огню	34
Малой	35
«Я куплю себе всё купе...»	37
«Снилось мне, что я иду по дну...»	38
«Я помню, хариус коптился...»	39
«Лежу в земле по всей стране...»	40

Мазурик	41
Герой	42
«Снег сошёл – заборы, лавки...»	44
«В недетской страсти третий лишний...»	45
«Просыпаешься: дождик. А ты...»	46
«Глядя в бинокль на переливающуюся звезду...»	47
«Птичка еле видная летит...»	48
«Так всё обыденно и просто...»	49
«Над полусном заныл комар...»	50
«Поедем в деревню...»	51
«Здесь неразлично дно колодца...»	53
Южная элегия	54
«Водопроводная вода...»	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Антон Бахарев

Нежный человек

© Бахарев А., 2020

© Сидякина А.А., предисловие, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Об Антоне Бахарева

Об Антоне Бахарева есть соблазн сказать: потомок Пушкина по тютчевской линии. Но, во-первых, эти слова уже отданы другому поэту. Во-вторых, с момента их написания прошла лавина времён, полная всего-всего. В-третьих, это попросту нескромно. Хотя, при чём тут скромность? И всё же стихи Бахарева являют собой тот случай, когда поэтическая реальность отменяет иерархические табу и историко-культурные закономерности. В них вопреки постмодернизму и разного рода обстоятельствам действительно живёт традиция классической русской поэзии.

Впрочем в его поэтической ДНК много разных нитей: и Есенин, и Рубцов, и Пастернак, и Решетов, и лагерная баллада. Звучат даже отдельные мотивы из Кальпиди: «Ходит смерть в запачканном халате, / Наводя везде привычный шмон» (А.Б.) «Смерть – приходящая уборщица в какой-то униформе темной» (В.К.), хотя явной близости нет.

...Его герой мужественен и гармоничен. Он не оплакивает ни мир вокруг себя, ни себя в мире – при том что рассечённым своим зрением способен видеть и в землю, и в небеса, и в историческую мглу. Его мир парадоксально закончен и завершён. Потому и живуч, что насквозь обитаем. Формальные очертания, поверхности этого мира образованы пушкинской просодией, классической строфикой и точны-

ми рифмами. И это не игра, не подражательство и не пародия, всё всерьёз. Поэтическая миссия принимается согласно завещанному: глаголом жечь. Видеть и помнить. И до остервенения писать. С горькой иронией сознавая свою никчёмную беспомощность: «Меня б давно послали к чёрту, / Не будь для них я «сука, Пушкин!» Уже далеко не наше всё, но последняя точка, зависшая над словом. В опоре на неё поэт заново создает свет и тьму. Затем неизбежно стирает между ними границу.

...В стихах Антона Бахарева сложился свой устойчивый поэтический мир. У него есть географические очертания – это пермский север (Вишера, Губаха, Соликамск). Его ландшафты топорщатся тайгой и стылыми реками, он населён лесными зверюгами и людьми, чей поселковый быт, чья укромная жизнь всё так же вписаны в перспективу исторической мглы, в пейзаж сиротства и заброшенности. Твердь земли забита живой пузырящейся памятью, купол небес – условными знаками высоты. Восемь лет назад я бы сказала, что онтологические оппозиции в мире Антона Бахарева образуют прочное сферическое единство, в котором силлабо-тонический логос русской поэтической речи противостоит хаосу и распаду. И вот теперь, вдруг, сказав это, я поняла, что же в нём изменилось.

А вот что: лирический герой закончил строительство и заселение своего мира. Он – остановился. В кинематографе есть популярный приём – расширенный стоп-кадр, когда

остановленное мгновение наделяет режиссёра неограниченной властью: он может повернуть движение вспять, он может разорвать причину и следствие, что угодно – макрообраз времени образует внутри себя параллельное пространство.

Антон Бахарев останавливает мгновение, чтобы вытянуть из небытия и втащить в неизбежность происходящего то, без чего наш мир трагически неполон: незримое прошлое и неочевидное будущее.

Анна Сидякина, из рецензий на публикации

«Лето: ничего личного...»

Лето: ничего личного –
Лето перенасыщено
Шумными листьями, тыщами
Истин различных.

Осень: ничего лишнего –
Единоличная истина,
Осень почти божественна –
Но беспомощна.

Мысли зимы болезненны,
Меланхолические истины
В теле очеловечены –
И беспочвенны.

А по весне бессмысленны
И обезличены истины,
Почва – очеловечена.
В мире ничего вечного.

Про велик

Помню, было мне семь лет,
Мама
Подарила велик мне,
«Каму»,
В масле весь и со звонком –
Что ты! –
Новый велик у меня, с катафотом!

И я стал среди больших –
Равным!
И мужские на локтях
Травмы –
Всем на зависть пацанам
Прочим...
Я на велике с утра и до ночи!

Говорил я: «нипеля»,
«Цепка»,
И трещала в колесе
Щепка,
Прямо в ванной мыл его,
Дома,
Мазал велик каждый день солидолом.

Что мне «Школьник» и «Урал»
(Рама!) –
Лучше в мире не найти
«Камы»!
На четвёртый свой этаж
Велик
На руках таскал я сам, еле-еле!

...Но однажды, среди дня
Прямо,
Кто-то взял – обворовал
«Каму».
Как хватило у него
Духу?
Все барашки открутил и сидуху.

Как я плакал-горевал,
Бедный...
С той поры прошло лет сто,
Верно.
Нету велика. Жена.
Скука.
До сих пор ведь не простил я ту суку.

«Уходя по гонобобель...»

Уходя по гонобобель
с небольшим, на час, лукошком –
заверни в клеёнку карту,
соль возьми, котёл и спички;
крепко-накрепко избу запри –
и каждое окошко
закрести, заговори –
как будто к чёрту на кулички
ты уходишь на полжизни;
кто расскажет, где придётся
шастать – ёрзая душою,
заражённой звёздным зудом,
по планете; с кем приспичит
коротать солёным пудом
нескончаемые зимы;
и когда идти – на вёслах,
на ходулях, под сурдинку,
по башкам, на вы, на помощь;
поперёк земной орбиты,
перепутав полдень, полночь;
по пещерам и сквозь грозы,
по пустыне и на льдине...

Уходя по гонобобель,

не забудь о карабине.

Гроза

Воздух вспух – и ринулся вон;
лес, разноголовьем косматым
шевелия, рванину ворон
в пламенные угли заката
сбросил; и наполнился ветер
шумом и сверканием листьев,
вперемешку; и в пересвисте
проводов рассыпался веер
искр; и над неистовым лесом,
где клубилась грозная сила,
вдруг свилась и книзу, отвесно,
треснула слепящая жила;
И... Прошло! Прошло стороной!
Лишь ошеломлённые избы
прошептали: «Боже ты мой...» –
и глядят с немой укоризной.

«...И там, где нет ногей...»

...И там, где нет ногей
земли почувствовать опору
пустого места, и то в гору
уводят россыпи камней,
а то в дремучие долины
по склонам катятся ручьи,
швыряя камни; где лучи
на перекрестьях троп звериных
сквозь кроны воткнуты во тьму
глазниц белеющих скелетов;
где растопить не может лето
в ущельях снег и потому
уходит снова стороною,
ничто не требуя взамен;
и остаётся вновь зиме
кружить над строгою страной
и кутать грозные хребты
в свои торжественные шубы,
рядить в парадные тулупы
кедровой свиты их ряды;
и где замешкавшихся птиц
зима безжалостно и честно
хватает на лету за сердце
и в тишине бросает вниз...

Там ни единого нет места
душе почувствовать земли
опору. Потому вдали
хребты чарующе отвесны
и упоительна тоска

долин безмолвных, и в печали
так сладко умереть в начале
простого птичьего броска.

«Там, где вижу отраженья...»

Там, где вижу отраженья
чаек – чайки видят рыбок;
рыбки чувствуют движенье
чаек; мир подводный зыбок;
мир небесный – постепенен,
облака растут и тают,
испаряет солнце тени;
рассыпают чайки стаи;
серебрятся рыбки в небе,
облаков хватают крошки.

Ошалевшей чайки трепет.
Синева и звон немножко.

«Нашёл я оброненный в августе ножик!...»

Нашёл я оброненный в августе ножик!
Где кучу порезанных шляпок и ножек
Оставил, корзину свою перебрав.
Там нету ещё ни грибов и ни трав,
Но все обозначились наши дорожки!
А в погребе тесно проросшей картошке,
Как в теле слежавшемся тесно душе.
(Но это – про душу – банально уже)

И скоро народы пойдут в огороды!
Мужчина вонзает лопату в породу,
Жена его роется в прошлой ботве,
А дети картошку бросают – по две.
Но бабка следит и ругает лентяев –
Мол, дедушка не был таким вот слюнтяем,
Мол, вот был хозяин – в дому, в гараже.
(Но это – про дедушку – грустно уже)

И будет огромное светлое лето!
Приклеит деревни река изолянткой
К бескрайнему лесу, покосам, полям –
И жизнью наполнится наша земля.
Хоть полнится смертью... А в августе бабку

Мы следом за дедом схороним. И зябко
Так станет в осеннем дожде на душе.
(И это – про осень – понятно уже)

«Скучно тащится по Каме...»

Скучно тащится по Каме
Теплоходик с пермяками.
Ветер морщит гладь реки,
Замерзают пермяки.

А по берегу, по Каме,
Пьянь гуляет с кулаками –
И сжимает кулаки,
Дураками дураки.

То ли дамы с господами,
То ли бабы с мужиками,
Тоже ходят вдоль реки,
Поправляя парики.

Дети бегают по Каме
С разноцветными шарами.
Ветер морщит гладь реки,
Шарик рвётся из руки...

Если вечером над нами
Вдруг прокатится цунами –
То останутся на Каме
Только шарик с облаками.

«Посередине года – солнце...»

Посередине года – солнце.
А по краям – снега, снега...
Год – наподобие колодца
В душе. Белеют берега.

Позёмки стылые струятся
И пеленают сонный взгляд.
И остаётся потеряться –
Там, где июльские горят

Часы, минуты и секунды,
Где пепел улетает вверх
И укрывает снега груды –
И тает снег.

«Ни разу не слышал свирели. Свирели...»

Ни разу не слышал свирели. Свирели
Как будто бы в небе весеннем дрожали.
Свирели как будто бы разоружали,
А мы как по нотам – зверели. Зверели
В бессильной тоске по покою,
Зверели как следствие собственной смерти.
Свирели срывались, сверлили как смерчи,
Я верил во что-то такое – такое,
Что тоже зверел, поднимаясь по нотам
К весеннему небу, как будто впервые.
Стараясь меж выдохами в перерыве
Вцепиться хотя бы в кого-то, в кого-то.

Нежный человек

Летняя прохлада,
Оттепель зимой...
Нам так мало надо:
Небо над землёй
И земля под небом;
Только и всего —
Не растаять летом,
Не застыть зимой.

Человеку есть чем
Пить и есть чем есть —
Чтобы было вечно
Тридцать шесть и шесть,
Но июль взорвётся,
Но сожмёт январь —
И под носом звёзды
Видит божья тварь.

Будто нету неба,
Будто бездна — тут,
Будто в ветках вербы
Космосы растут,
И вселенский холод
Мир сковал навек...

И лежит – расколот –
Нежный человек!

Иван-чай

Иван-чай стоит на Иване,
Упираясь корнями в плечи:
«Папка, папка, давай повыше!
Там же дяденька к нам пришёл!
Он сегодня натопит баню,
Станет ножкам твоим полегче,
И крапиву порубит на крыше –
Заживём мы с тобой хорошо!»

И Иван поднимает сына
Что есть силы: «Зови, сыночек!
Пусть тебя к моей Марье сносит,
Я-то вовсе уже старик...»
А кругом нарывает малина,
Земляника тайком кровоточит.
И неслышно о чём-то просит
Ослепительный детский крик.

«То ли снегирь взорвался...»

То ли снегирь взорвался,
То ли рябины плакали,
То ли пропойца плевался,
То ли избитыми лапами
Кот наследил – не ведаю.
Вижу деревья голые,
Тропку окровавленную,
Мальчик идёт в школу.

«...И вновь песчаная дорога...»

...И вновь песчаная дорога
Меня уводит в сонный бор,
Где сосны в солнечных потоках
Молекулярный соль-минор
Во мхи серебряные сыплут;
И где, неистов – и незыблем,
Раскинул волны океан,
Корнями свитый на века.

Где под ногами шёпот рыбин –
В холодной, чёрной глубине,
Меж якорей и донных рытвин,
Они, навек окаменев,
От скуки овладели речью.
И, если вспомню, то отвечу
Я им на том же языке,
Зажав чешуинку в руке.

Тохтуево

Я не жил в селе Тохтуево,
Но скажу определённо я:
Жизнь в селе – одноимённая.
Не спасает даже курево.

Шпарят шахты соликамские –
Лес кругом, а не надышишься.
Но народ и с этим свыкшийся,
Пьёт по праздникам шампанское.

Между праздниками – водочку,
Между водочками – химию;
Дети англиш учат: he, me, you...
Что не так? – захлопни форточку.

Эй, тохтуевцы – ату его!
Топоры по Волге плавают –
Железяки, только ржавые.
Стопудово из Тохтуева.

У тебя подошва слабая?
На фуфайке нету пуговиц?
Ты, наверное, тохтуевец.
Я, пожалуй, то же самое.

И, подвигав переносищу,
Мы завяжем на три месяца –
И столица переместится
К Соликамску за околицу.

Северная элегия

Хмыри, хмыри, хмыри, хмыри...
Глаза откроешь и закроешь –
Со стаканом чумазый кореш,
Чабоном делится: «Кури!»

Раскисший берег. Март, апрель...
И сажа валится с котельной.
И Саша валится, отдельно
От Вани, в лодку, как в постель.

Всё тут же: клуб и магазин,
Каркас конечной остановки.
И на велосипеде, ловкий,
С одной ногой рыбак один.

Он будет, только сгонит лёд,
Стоять в реке с утра до ночи:
Два колеса, нога, комочек
Червей, клюёт и не клюёт.

Кентавр наших дней, навек
Прирос он к велику, и даже
Он из портрета стал пейзажем;
И, в общем, каждый человек –

Не человек, а так, топляк,
Что головой в воде качает;
И лещ его не отличает
От валунов и от коряг.

...Мой путь как дерево ветвист:
От корня – ствол, дороги, тропки,
Дрожащий лист, потом короткий
Взмах ветра – и на землю вниз.

Где, сжаты створками зари,
Её кровавым перламутром,
Ещё видны, ещё окурком
Последним делятся хмыри.

И где сутулый силуэт
В реке, как будто знак вопроса...
Его стирает ночь. Так просто
Обозначая свой ответ.

Но я пока ещё ползу
По ветке, и пока не с краю,
Я в памяти перебираю
И узнаю всех по лицу –

Ивана, Сашу, рыбака –
В промозглом ветреном апреле...
И пепел сыплется с котельной,

И живы мы ещё пока.

Огонь к огню

Такая ночью в печке тяга,
Что страшно вылететь в трубу –
Как в космос врежешься, бедняга,
И рухнешь со звездой во лбу.
А рассказать потом кому-то
О зимней ночи – засмеют:
«Ну что за печка, звезданутый?
Теперь беспечен наш уют».
Но я-то знаю, я-то помню,
Как рвался мой огонь к огню,
А космоса огонь бездомный
Ночами бился в дверь мою!

Малой

Передо мной стоит малой
И говорит, блестя соплёй:
– Эй, ёптель, угости-ка сигаретой!
– А ты не мал? – Ты чё, блатной? –
Плюёт малой. – Да нет, родной.
Я не блатной, но сигареты нету.

Малой живёт вдвоём с отцом,
Отец бухает и спецом –
Проходчиком колымит по сезону.
И хоть он ходит молодцом,
Конец не сходится с концом.
А деда привезли сюда на зону.

И дед был тоже не блатной,
Он загремел по бытовой,
Зашёл в барак, ему: «А ну-ка, фраер,
Давай махорочку, чудной!»
А он им: «Сёдня выходной»
Его и запинали за сараем.

Но он поправился. Потом
Амнистия. Поставил дом
Недалеко, не мудрствуя лукаво.

С женой, скотом и животом
Прожил. И умер. Но притом
Себе потомка вырастил на славу.

Теперь потомок наравне
С отцом, на той же глубине,
Ворочает камнями всё лето.
А сын потомка в ноги мне
Опять плюёт. И в стороне
Закуривает, сука, сигарету.

«Я куплю себе всё купе...»

Я куплю себе всё купе —
И поеду вот так на юг.
Чтоб в вагонной не преть толпе,
Не бояться детей и ворюг.

И меня назовут «буржуй»,
А скорее — «Такой урод!».
А я даже в сортир не схожу,
Не хочу я ходить в народ.

Всё равно человек — один,
Хоть обнимется весь вагон.
И всё дальше край холодин —
С перегона на перегон.

«Снилось мне, что я иду по дну...»

Снилось мне, что я иду по дну,
Что вдыхаю пасмурную воду,
Как туман в октябрьскую погоду,
На земле, которой не верну.

Озираясь в поиске людей,
Вижу рыб, скрывающих зевоту.
Будто знают рыбы – никого тут,
Им вода в две стороны видней.

И они не плавают за мной,
И из рук моих не ускользают.
Будто рыбы всё на свете знают,
Будто я им тоже не впервой.

«Я помню, хариус коптился...»

Я помню, хариус коптился –
И белый дым лежал огромно,
А с облаков срывались птицы,
А из реки кивали брёвна,
И лето, в скомканной зевоте,
На крыши прыскало из нёба,
И люди в сонном самолёте
На рыбный дым глядели в оба,
Твердя в тревоге и печали:
«Горят, горят леса отчизны!»
Но, засыпая, улетали;
И оставались тропки, избы,
А из реки кивали брёвна,
А с облаков срывались птицы –
И продолжался мир укромный,
В котором хариус коптился.

«Лежу в земле по всей стране...»

Лежу в земле по всей стране,
По городам, по деревушкам –
За свет, за дыры на броне
И просто так, ни за понюшку.

А по земле хожу не я –
Идут моими же ногами
Те, о которых говорят:
«Они давно уже не с нами».

Мазурик

Не знаю фамилию, имя,
Помню кличку – Мазурик.
Пальцы в шрамах и «Приме».
Наверное, нынче жмурик.

А мог намахнуть литру,
Бревно закатить на крышу.
Носил круглый год свитер.
Наверное, весь вышел.

Родился, не пригодился.
Ограбил, убил, сдался.
А срок отмотал – спился.
Наверное, волновался –

Когда говорил: «Надо ж,
И прожил своё Мазурик...» –
И в чёрных губах ландыш
Крутил на фоне лазури.

Герой

Герой отважный, мускулистый,
Герой летающий, железный,
Зелёный, синий, серебристый,
Нарядный, с дамами любезный...

А мой герой – он забулдыга,
Он матерится на соседку,
С женой дерётся за бутылку
И пьёт сердечную таблетку.

Он режет лес на пилораме,
По воскресеньям рыбу ловит
И раз в полгода ходит к маме.
Там напивается – и воет.

Его выводят из оградки
Герои нашего посёлка:
Один бьёт с сотни куропатку,
Другой в три взмаха валит ёлку.

Я среди них – герой четвёртый!
Несу закуску и чекушку.
Меня б давно послали к чёрту,
Не будь для них я «сука, Пушкин».

Они мне часто говорили,
Плечо отхлопав чёрной лапой:
«Пока нас на хер не зарыли,
Пиши, пожалуйста, патлатый...»

И я пишу, чего от боли,
Чего от радости и горя...
И над землёй летят герои.
И под землёй лежат герои.

«Снег сошёл – заборы, лавки...»

Снег сошёл – заборы, лавки
Вон из глины, вкривь и вкось:
Не выносит стылой давки
То, что врыли на авось.

И что вкопано на славу,
Не бежит хромой судьбы:
Как беспомощные травы,
Гнутся дюжие столбы.

Лишь, пожалуй, на погосте
Нет надёжней глубины:
Из земли не лезут кости –
Только надписи видны.

«В недетской страсти третий лишний...»

В недетской страсти третий лишний,
Стою, горюющий подросток,
И жадно рву ночные вишни
Под фонарём в селе Покровском.

А где-то в городе далёком
Свернулась девочка в калачик,
Ей невозможно одиноко,
Она в подушку слёзы прячет.

Ей суждено моей любовью
Стать посреди февральской выюги,
Но впереди у нас обоих
Ещё пятнадцать лет разлуки.

«Просыпаешься: дождик. А ты...»

Просыпаешься: дождик. А ты
Никуда, в общем, не собирался.
Обвалилась на пол мошкара вся,
А в сенях фонареют коты.
Греешь чаю – чтоб стало тепло.
И признав, что немного обидно,
Прилипаешь к окошку – где видно
Свет заплаканный через стекло.

«Глядя в бинокль на переливающуюся звезду...»

Глядя в бинокль на переливающуюся звезду,
Я ждал дня, чтобы снова сбежать с пацанами
За гаражи и железную дорогу – где, как цунами,
Песчаный обрыв. И сосны. И до сих пор жду –
Не то вспоминая, не то придумывая слова,
Которые так явственно и невероятно
Говорила вылезшая из облаков огромная голова,
Говорила громко и непонятно.

«Птичка еле видная летит...»

Птичка еле видная летит
В вышине, как пулька из рогатки.
Ей, как пульке, не упасть обратно,
У неё такой на землю вид!
А у нас – апрельские ручьи,
Наперегонки несутся спички,
И шумит за лесом электричка,
И копёр настойчиво стучит
В бездну, с девяти и до пяти...
Достучится. Свистнет электричка.
Птичка улетит, утонет спичка.
Пулька упадёт – но не найти.

«Так всё обыденно и просто...»

Так всё обыденно и просто –
Деревья, мокрая трава,
И в анорачке не по росту
Ты руки прячешь в рукава.
А сапоги – с тремя носками,
Под капюшоном красный нос.
И мы шагаем с туесками
За земляникой под откос.
Гроза, огромная, как остров,
За горизонт, гремя, ползёт...
Так всё обыденно и просто –
И так невероятно всё.

«Над полусном заныл комар...»

Над полусном заныл комар –
Надсадный знак начала лета! –
И так обрадовало это:
Я разметался, как кальмар,

И звал: «О, вестница тепла,
Цеди меня, молодая самка!» –
И выгибалась наизнанку
Моя рубиновая мгла...

А с утренним кукареку,
Объятый солнечным пространством,
Я к насекомому подкрался –
И припечатал к потолку.

«Поедем в деревню...»

«Поедем в деревню,
Поможем хоть бабке:
Подрежем деревья,
Потяпаем грядки,
Нельзя же всё лето
Просиживать в чатах,
Порадуем деда,
Покажем внучаток!»

Вот так и сказали
Родители Тане,
Боясь на вокзале
Девичьих рыданий.
Но Таня спокойна
И радостна даже,
Проворной рукою
Пакует поклажу:

Ведь, помнится, был там,
У клуба на танцах,
Громила и дылда,
С глазами испанца!
Ещё – у соседей
Племянник поджарый,

На велосипеде,
На всякий пожарный.

«Здесь неразличимо дно колодца...»

Здесь неразличимо дно колодца
И хрустят ракушки на зубах,
Южное безоблачное солнце
Вялит падаль кошек и собак.
Не дыша проходишь, как андроид,
К улице, где дом твой и твой сад –

И стекает с крыши рубероид,
И цветы безумные стоят!

Южная элегия

На лавочке у МСО,
Где завершался моцион
Пацанский наш – под фонарём
Два алкаша сидят втроём.

Они кивают пустоте –
Ушедшей то ли по статье,
А то ли вовсе на века –
Не разберёшь издалека.

Но чтобы лучше рассмотреть,
Не подходи к ним и на треть,
Там есть особая черта,
Где не поможет ни черта.

Где, расцелованный в лицо,
Ты вроде с ними пьёшь винцо –
Но так же ясно, словно днём,
Они виднеются вдвоём.

«Водопроводная вода...»

Водопроводная вода
Всегда немного впереди нас:
Она сгущается на минус,
Когда ещё не холода.

И вот её казённый хлор,
И сладкость ржавого железа –
А ты лишь кожицу порезал,
Проверив бритвенный набор...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.